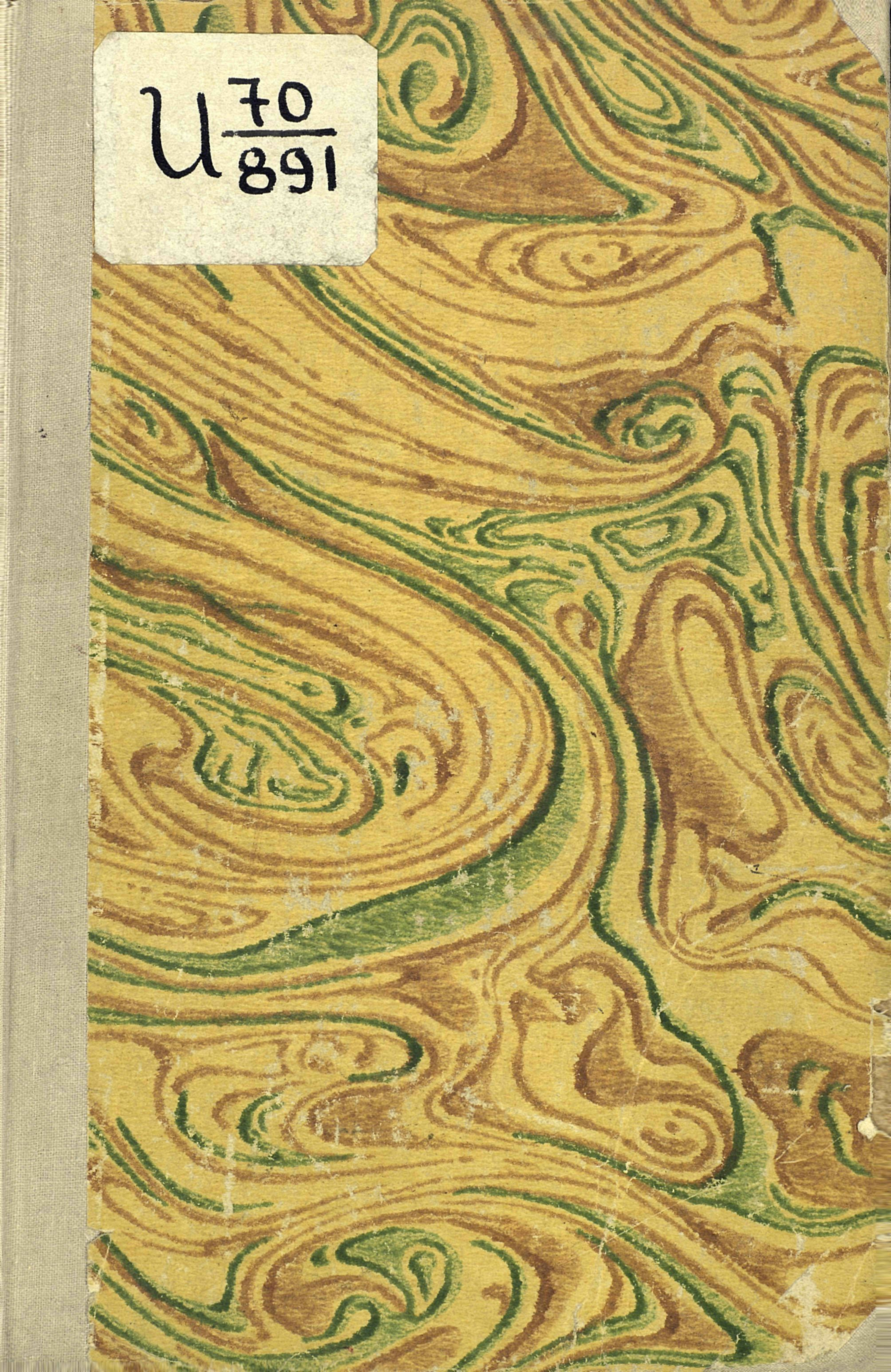

U 70/891

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ И ПРЕДАНІЯМЪ,

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.
1846.

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ И ПРЕДАНІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ
ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета 17-го Октября 1846 года.

Деканъ, *М. Протопоповъ.*

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ

АРТЕМОВСКОМУ-ГУЛАКУ

и

ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВИЧУ

ГАНКѢ,

первымъ своимъ руководителямъ въ изученіи Славянскихъ древностей и нарѣчій,

посвящаетъ

Сочинитель.

ИЗМАИЛ СРЕЗНЕВСКИЙ

ВВЕДЕНІЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполнѣ, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ; потому что изучать ихъ мы должны — или изъ сказаній иновѣрцевъ, которымъ и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, — или изъ преданій народа, мало по малу отстававшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества, и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. —Предположивъ ограничить это изслѣдованіе однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я долженъ оставить въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и миѳовъ, съ ними соединенныхъ; могу коснуться вѣрованій только въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Не смотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореніе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ — бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе усиленію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было сознаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ, какъ было сознаваемо ими въ VI вѣкѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ — говоритъ онъ — единаго бога, производителя молніи, господа міра, и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совсѣмъ не знаютъ, и не придаютъ ей ни какой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»[1]. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія — писалъ онъ — Славяне отличаютъ единаго бога на небесахъ, повелѣвающаго другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»[2]. Сравнивая оба сказанія, не можемъ не видѣть разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Прокопія видимъ единаго Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, господомъ неба, всемогущимъ и невидимымъ. И тамъ и здѣсь онъ выше судьбы; но тамъ онъ въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его желаніями и мольбами, а тутъ онъ да-

---

[1] *Прокопій*, De bello Gothico. III, 14.

[2] *Гельмольдъ*, Chronicon Slavorum. I. 24.

лекъ отъ людей, онъ поручилъ земную природу другимъ богамъ, ему покорнымъ, и вѣдаетъ самъ только небомъ. Тамъ онъ — богъ грома и молніи, Торъ; а здѣсь онъ — Альфадеръ. Такъ-ли различны были въ самомъ дѣлѣ понятія Славянъ о верховномъ богѣ? Такъ-ли могли Славяне идолопоклонники измѣнить свое понятіе о верховномъ богѣ? Едва-ли! Напротивъ, кажется, Прокопій въ изображеніи верховнаго бога Славянскаго смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми изображалъ Гельмольдъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его — господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, на это имѣемъ доказательства и въ договорахъ Игоря и Святослава съ Греками: въ первомъ изъ нихъ два раза попадается выраженіе: «отъ бога и (ни) отъ Перуна»; во второмъ читаемъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса»[1]: тамъ отличенъ Богъ боговъ отъ Перуна, а здѣсь и отъ Перуна, и отъ Волоса. Впрочемъ какъ Прокопій смѣшалъ Верховнаго Бога съ Перуномъ, такъ и Гельмольдъ смѣшалъ его со Святовидомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ назвалъ Святовида Богомъ боговъ (Deus deorum), въ другомъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святовиду полубогами (quasi semidei)[2]; а между тѣмъ описывалъ Святовида богомъ, который заботится не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, словомъ — точно такъ-же, какъ описывалъ Святовида и Саксо грамматикъ[3]. Конечно, не льзя опустить изъ виду этого смѣшенія Бога боговъ съ Перуномъ и Святовидомъ, — смѣшенія, показывающаго, какъ высоко были чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ и отдѣльно, и что понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе

---

[1] *Несторъ* по Лаврент. списку. Полн. Собр. Лѣт. I. Спб. 1846. 23 и 31.

[2] *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12.

[3] *Гельмольдъ*. I, 6. и пр. *Саксо грам.* Historia Danica. XIV. (rec. P. *Müller*. et J. *Welschow*. Hawn. 1839) 823, 826.

къ понятію о Богѣ христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они господа міра, котораго воля правитъ его судьбами, котораго промыслъ не допускалъ слѣдовательно никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ[1].

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (přibohojo)[2]; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природой, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ[3]; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога[4]; богомъ грома и молніи — Перуна[5]; обожая солнце[6], бога солнца называли Волосомъ

---

[1] *Коларъ*, Národnie Spiewanky Slowakúw. Budin. 1834. 1. 422. *Палковичь*, Böhm. Wörterbuch. Presburg. 1821. II, 1711.

[2] *Свотликъ*, Vocabularium Lationo-Serbicum. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: idolum и пр.

[3] Смотр. I-ю главу, §§ I и II, также *Касторскаго*, Начертаніе Слав. Миѳологіи. СПБ. 1841. 130-138, 178-182.

[4] *Несторъ*, 34. *Слово о Полку Игор.* въ Рус. Достоп. II, 62 и 214. *Юнгмана* Slownik Čes. IV. 349. *Снегиревъ*, Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ-божій духъ» у *Ильkевича*, Галиц. Приповѣдки. Виденъ. 1841. 17.

[5] *Несторъ:* 20, 23, 31, 34, 50. *Слово Христолюбца* у *Востокова,* Опис. Рисей Румянц. Муз. СПБ. 1842. 228 и 229. *Вацерадъ* въ Словарѣ у *Шафарика* и *Палацкаго*, Denkmäler der Böhm. Sprache. Prag. 1841. 220. *Коларъ*, ib. I, 67 и 407.

[6] Восточ. сказанія объ этомъ у *Шармуа*, Rélation de Masoudy etc. Mémoires de l'A. de SPB. VI-ème serie II. 319 и 326. *Халкондила* у *Стри-*

и Хорсомъ-Дажьбогомъ, Сварожичемъ и Радагастомъ, Святовидомъ, Яровитомъ и пр.; обожали звѣзды[1], мѣсяцъ[2], вѣроятно такъ-же, т. е. и какъ божества, и какъ жилища божествъ. Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея дѣйствіямъ, были-ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ обоготвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Славяне циклъ своего многобожія, и потомъ все болѣе умножали его миѳами объ отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій,-такъ что наконецъ верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной сѣмьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая сѣмья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, сѣмья боговъ и богинь, родителей и дѣтей.—О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Прокопій[3]. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву[4]. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Славянскаго бога[5]. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроники о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрскомъ[6]. О служеніи богинямъ читаемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца,

---

тера, Memoriæ populorum. II. 1061. Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I 243. *Кириллъ Туровскій* въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи Солнца древними Славянами помѣщено въ Жун. Мин. Народ. Просв. за 1846 г. N. 7.

[1] *Весифшахъ* у *Шармуа*, ib. 326. Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьями.

[2] *Шафарикъ*, Slow Starožitnosti. Praha. 1837. 587. и пр.

[3] *Прокопій*. III, 14.

[4] *Масуди*, ib. 340.

[5] *Френъ*, Jbn.-Foszlans Berichte. SPB. 1823. 9.

[6] *Титмаръ*, Chronicon. VI. 17. VII. 47.

у Длугоша и пр.[1] До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ: Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлипа; Длугошу — Дѣдилія, Дѣвана, Маряна, и пр.[2] Древнѣйшее изъ сказаній о сѣмейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фоцлану: изъ него узнаёмъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: оно касается верховнаго Славянскаго Бога, и представляетъ его родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ — исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ[3]. Въ дополненіе къ этому не льзя не вспомнить и отдѣльныхъ миѳовъ о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страчца — сыномъ Сытиврата[4]; въ Словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ — дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ — дѣдомъ Владиміра[5]; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ-же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога[6]; изъ другихъ источниковъ узнаёмъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ о его происхожденіи отъ Сварога[7]. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Славянскихъ боговъ: мало этого для миѳо-

---

[1] *Длугошъ*, Historia. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кеппѣна*, Библ. Листы 1825. N 7. 88. *Слово Христолюбца*. ib. 228.

[2] *Гельмольдъ*. I, 52. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокошь*, Chronicon Slavo-Sarm. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, Deutsche Mythologie (2-e A.) Gött. 1844. 643.

[3] *Гельмольдъ*. I, 83.

[4] *Вацерадъ*, ib. 211, 223, 225.

[5] *Слово о Полку Игор*. ib. 28, 62, 78, 92.

[6] *Ипатьев. Лѣт*. въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. СПБ. 1843. II. 5.

[7] *Титмаръ*. VI, 17. Письмо *св. Бруна* къ Генриху II. (*Pertz*, Monumenta Germaniæ. Hanover. 1829. V. 812.) *Слово Христолюбца*. ib. 228. Срав. Časopis čes. Mus. 1844. 486.

лога; но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ сѣмейную связь божествъ у Славянъ существовало, и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его, и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнію каждаго человѣка. Живу считали они богинею жизни[1], а Сытиврата—богомъ времени[2]. Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ «роjеницами», и расказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роjеницу, которая предсказываетъ ему судьбу его[3]. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаёмъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и рожаницамъ... беззаконьная трапеза мѣнимая роду и рожаницамъ[4].» Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Даніила Заточника, духъ или привидѣніе[5], а словомъ «рожденица» переводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово τύχη. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденикъ», по которой всякій можетъ узнать свою судьбу. Въ извѣстіи «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумніи людіе вѣрующе и волх-

---

[1] *Прокошь.* 113. *Длугошь.* V. 9.

[2] *Масуди*, ib. 320. *Видукиндъ*, Res gestæ Saxoniæ. III. 68. *Вацерадъ*, ib. 224.

[3] *С. Вразъ*, Glasi iz dubrave Żeravinske. Zagreb. 1841. 118-119.

[4] *Слово Христолюбца*, ib. 229.

[5] Слово Даніила Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. 237: «Дѣти бѣгаютъ рода.»

вуютъ, и ищутъ дня рожденія своего,염сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и вазней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»[1]. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать, суженаго конемъ не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Даніилъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «испред божjе волjе никуд никамо, од суђенjа се не може утећи, и т. д.[2] Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи[3]. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ калитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да ниjе сиротинjе не би ни сунце грииjало». То-же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «jas pa ne man čakati, man w'liko obsjewati, wse dolince ino chriberce, tudi wse moje s'rotice[4]. Тутъ-же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ—убогими, у Сербовъ—божьяками, у Хорутанъ—богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ; вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ[5].

Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными

---

[1] *Калайдовича*, Іоаннъ Экз. Болг. М. 1824. 212.

[2] *Слово о Полку Игор*. ib. 202. *Слово Даніила Заточ*. ib. 231 *В. С. Караджиħ*, Српске пословице. Цетинь. 1836. 106, 244.

[3] *Краледвор. рпсь*. (4-е изд. Прага.) IV. 145, 158. VI: 136.

[4] *В. С. Караджиħ*, ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долинѣ въ Каринтіи. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. 202.

[5] *Ибнъ-Фоцланъ* у *Френа*, ib. 9 *Гельмольдъ*. II, 12. *Сефридъ*. Vita S. Ottonis. 54. (Acta Sanctorum. Jul. 1).

знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать-ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ[1]. «Знаменье бо — говоритъ лѣтописецъ — небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или етеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ»[2]. У Руянъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее[3]. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тинѣ[4]. «Овъ кобені пътичь смотрить, овъ стрѣтения съмнитьсѧ» — говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзина[5]. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ поткы и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая переди поиграеть, то станемъ послушающе, правая или лѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мыслѣ, тъ мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажеть, ркуще окаянніи, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитьсь, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка си додяше поити, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ поити, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устрящю; а коли ны будеть поити на долгый онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»[6].

---

[1] *Масуди*, ib. 319.

[2] *Несторъ*. 71.

[3] *Саксо грамматикъ*. 827.

[4] *Титмаръ*; VI, 17. О знаменьяхъ озера Гломачскаго I. 3.

[5] *Переводъ Григорія Наз*. ib. 89.

[6] Слово *Кирилла*, ib. 242-243.

«Се бо не поганьски ли живемъ — говоритъ Несторъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сію держать. Друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ[1]. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣруютъ въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичій грай», и пр.[2]. Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядають, и смотрять дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.[3]. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такія книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожаи полей, по его вѣрованію, зависѣли отъ богини жизни Живы[4] и отъ бога свѣта и солнца Святовида. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святовида занималъ Яровитъ: «я богъ твой — говорилъ жрецъ именемъ своего бога, — я покрываю травою поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»[5]. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, —

---

[1] *Несторъ* 73.

[2] *Кириллъ Туровскій*, ib. 19. *Уставъ Владиміра* въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. Спб. 1846. N. 1.

[3] *Калайдовича*, Іоаннъ Экз. 211-213. *С. Строева*, Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы. М. 1841. 125.

[4] *Вацерадъ*, ib. 217.

[5] *Сефридъ*. 129.

и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ[1]. Подобно земледѣлію и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ[2]. Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцевъ передъ идолами, и по дани, платимой Святовиду купцами[3]. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ, какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi nam uicestuie daiu». Тамъ-же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ[4]. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святовида, который, какъ Сварожичь, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ-же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамберскаго Яровита, а Саксо грамматикъ Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошь подъ именемъ Лиды[5]. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имуть помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса[6].—Все зависѣло

[1] Смотр. Колядныя пѣсни у *Паули* (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10, 16.—Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. 9-10), *Колара* (Zpiewanky, I. 409), *Корытки* (Pesme Krain. noroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

[2] *Несторъ*, 31. Вацерадъ, ib. 229. *Сеѳридъ*. 128.

[3] *Ибнъ-Флоцланъ*, ib. 7-9. *Гельмольдъ* I, 6. II, 52.

[4] *Краледвор. рпсь*. IV, 204. VI, 140, 181.

[5] *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем:* Histor. Eccl. IV. 12. *Гельмольдъ*. II, 12. *Саксо грам*. 826, 830, 842. *Сеѳридъ*, 134. *Эббо*, 71. *Книтлинга Сага*, 122 (Historia pirat jomens. Hafn. 1842. 350) *Вацерадъ*, ib. 226. *Длугошь*. V. 9.

[6] *Несторъ*, 20, 31.

отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.[1].

Все зависѣло отъ боговъ, — и сознаніе ихъ могущества дѣлало человѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ силился познавать и исполнять ихъ; но онѣ были слишкомъ сильны для него, — и онъ иногда упадалъ передъ ними, упадалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, — что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости[2]. «Прошу тебя — говорилъ Князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя передъ ними покорностію; опасаюсь что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я кажется могу ихъ понять изъ того, что твое Конунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣздишь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и оттуда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою»[3].

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, — и признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастія, отъ другаго бѣдствій, — и послѣдняго называли Чернобогомъ, а пер-

---

[1] *Гельмольдъ*, I, 83. Срав I, 52. *Эббо*. 65. *Андрей*, Vita S. Ottonis III. 16. *Ипатьев*. Лѣт. 5. *Книтлинга-Сага*, 122 (ib. 349-350). *Саксо грам*. 844.

[2] *Титмаръ*. VI, 17. *Краледв. рпсь*. IV, 46.

[3] *Сага Олава Тригвесона*. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

ваго, вѣроятно, Бѣлбогомъ[1]. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ»[2]. Люнебурскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола[3]. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близь Будишина, есть гора—Чернобогъ, и подлѣ нея другая Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія[4]. . . . Трудно опредѣлить какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ миѳологіи Славянской; ясно впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властилиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ миѳологіи Славянской съ миѳологіями другихъ Сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми-же страшными чертами рисуются злые духи въ противуположность добрымъ[5]. Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это— общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противуположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода чело-

---

[1] *Гельмольдъ*. I, 52. Malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant,-bonum que Belboch (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).

[2] *Густин. Лѣт.* въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

[3] *Геннинга*, Рпсный Словарь Люнебур. нарѣчія подъ слов. Schwarz и Teufel.

[4] *Л. Штуръ*, Cesta do Luzic. Ċasop. Ċes. Mus. 1839. 476-477. *К. Прейскеръ*, Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые боги* (лѣсъ и лугъ) находятся у большой дороги отъ Москвы къ Троицѣ, не доѣзжая 15-ти верстъ, близь села Городка.

[5] Edda Sæmundar hins fróda III. Hafn. 1828. 496 и слѣд. *Нарбутъ*, Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. 1. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

вѣческаго. Какъ бы то ни было впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугалъ и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянинѣ язычникѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилой: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ его или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ. — О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства — и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукописи, воспѣвающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла, и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Такъ Влаславъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne mozese; Morena iei sipase w noc czrnu; kipiese krew ze silna Vlasiaua, po zelene trawie w siru zemiu tecie; ai a wiide dusa z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo-tamo doniz mrtew ne zzen». Такъ палъ и Людекъ, пораженный Забоемъ: «letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlat i dusu uirazi». И послѣ побѣды «tamo i uiele dus tieka siemo tamo po drsieuech, i ich boie sie ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Такъ и юноша-воинъ былъ пораженъ лютымъ врагомъ: «zewzniechu mutno zalostiui lesi; wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie pieknim tahlim hrdlem, z hrdla krasnima rtoma»[1]. Въ паралель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «единъ-же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье»[2]. Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ

---

[1] *Краледв. рпсь.* IV, 218-224. VI, 161-164, 229-232. X, 17-20.
[2] *Слово о полку Игор.* ib. 180.

ней сказано, что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо[1]. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Ретрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ — говоритъ онъ — имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе что Стиксъ пролившись девять разъ, смиряетъ погибшія души язычниковъ»[2]. Понятіе о безсмертіи душъ замѣчено и Длугошемъ, который говоритъ, что язычники Поляки молили Нію, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада[3]. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся какъ увидимъ, самаго состоянія души по смерти тѣла. — Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной душѣ, вспомнимъ два: — Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если-бы остававшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни[4]. — Въ числѣ доказательствъ, тутъ приводимыхъ, нельзя забыть и того, что въ народныхъ преданіяхъ Славянъ сохранилось много, вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокаиваетъ тѣнь убіеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у зна-

---

[1] *Мацѣевскій*, Pamiętniki Słowian. SPB. 1839. II. 107.

[2] *Адамъ Брем.* Historia Eccles. IV. 11. 65.

[3] *Длугошъ*. V, 9.

[4] *Несторъ*. 6. *Краледвор. рпсь*. IV, 224. *Маврикій*, Strategicon. XI, 5. (*Шафарикъ*, Slow. Star. 969). *Левъ Діаконъ*, Historia. IX, 6. *Винфридъ Бонифацій* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, ib. 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Альберикъ*, I, подъ г. 751. *Масуди*, ib. 314, 317. *Димешки*, ib. 353. *Ибнъ-Фоцланъ*. ib. 11-21.

харей и вѣдьмъ, о превращеніяхъ, ими на себя принимаемыхъ и т. п.

Съ понятіемъ о безсмертіи души не разлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войдти въ рай[1]. Ибнъ-Фоцланъ, расказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обрекшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу — говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти, — я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ всѣ мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ, — онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальные обряды: «Мы сожигаемъ — говорилъ этотъ Русскій — нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай[2]. По вѣрованію Славянъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него, только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили — говоритъ Масуди — послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, лишь бы войдти въ рай со своими душами[3]. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаёмъ изъ Димешки[4]. Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самаго значенія[5]

[1] *Масуди*. ib. 317.

[2] *Ибнъ-Фоцланъ*. 17-21.

[3] *Масуди*. ib. 317.

[4] *Димешки*, ib. 353.

[5] *Юнгманъ*, Słownik. III. 786. *Линде*, Słownik języka Pol. III. 16-17. *Шимкевичъ*, Корнесловъ Рус. языка. СПБ. 1843. II. 37.

этого слова, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ[1]. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та-же участь,—что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ: такъ послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, клялись, что «да будуть раби въ весь вѣкъ въ будущій», если измѣнятъ слову; такъ Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались непріятелю, но вонзая мечь подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ[2]. Подобныхъ наказаній на томъ свѣтѣ не могли не бояться Славяне и за многое другое, и кромѣ такихъ наказаній боялись въ будущемъ и другихъ бѣдъ. Они боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ «пекла», вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ[3]. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане расказываютъ о провальяхъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасти горы Ситна, и злаго духа называютъ духомъ пропасти, пропастникомъ, пре-

---

[1] Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смотр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

[2] *Несторъ* 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій». *Левъ Діаконъ.* IX, 8.

[3] У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, pjekuo); у югозападныхъ—пакао (пако, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pekla, у Мадьяръ—pokol.

падникомъ; о пропастяхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ[1]... Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслію о благости боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностію очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ-же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконъ, разсказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То-же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человѣка огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ,

---

[1] *Коларъ,* ib. I, 18, 429. *Его же,* Wyklad ku Slawy dceře. Pešt'. 1832. 403. *Юнгманъ,* ib. III. 682. *Линде,* ib. II 1120-1121. и пр.

Слитно-ли съ понятіемъ о пеклѣ или отдѣльно, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: это вѣрованіе уцѣлѣло еще въ народномъ суевѣріи. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!« или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твоје»! У нихъ же поговорка: «изгинуо као невјерац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ-же Славянъ есть заклинанія, что бы Богъ наказалъ неправаго смертію: «Богъ меня убей, бій тя сила божа, niech mie pan bóg zabije, zoby mje boh zabiu, да ме бог убије, правога боже» и пр.; подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Титмара (I, 7,) что по вѣрованію Славянъ временная смерть можетъ оканчивать все.

столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя и сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне, и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ таінъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищь, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилостивить боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны, и, опираясь на вѣрованіи въ благость боговъ вели за собою веселыя пиршества.—Въ первой изъ двухъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ святилища, а въ другой обряды богослуженія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Святилища богослуженія.

I.

Мѣста поклоненія стихійнымъ божествамъ воды и огня.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простые жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ, и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Обозрѣвая святилища Славянскихъ боговъ, прежде всего надобно обратить вниманіе на мѣста поклоненія божествамъ воды и огня.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, по ихъ понятію, вышлыла изъ моря: это видно изъ пре-

данiй, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свûта, втодû не было неба нû земли, неба нû земли, лемъ сине море». Замѣчателенъ припѣвъ къ этой пѣснѣ — «Подуй–же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли»!, напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа[1]. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», разсказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому–то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть то-же подобное преданіе, примѣненное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяется море какъ что-то священное; а ключи и озера, почитаемыя священными, можно найдти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунавками и пр.[2] Не льзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава Стыдливаго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ

---

[1] *Бирецкаго,* Собраніе колядокъ. № 1. *К. Сементовскаго*, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. СПБ. 1843. 56.

[2] Срав. *Шафарика* статью въ Čas. Čes. 1833. 257 и слѣд.

книгахъ Өомы Штитнаго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д.[1] —Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водъ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Прокопія: «Славяне — пишетъ онъ — обожаютъ рѣки, нимфъ и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ»[2]. Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ-же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Прокопіемъ, находимъ: «Овъ рѣкѫ богынѭ нарицаеть и звѣрь живѫщь въ ніеи ıако Бога нарицаѧ трѣбѫ творіть[3]». У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ народная пѣсня[4]. У Болгаръ есть также обычай, исполняемый то-же дѣвушками, въ день Ивановъ утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей[5]. О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упоминаетъ Левъ Діаконъ: воины Святослава — пишетъ онъ — погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ[6]. Несторъ говоритъ, что Русскіе «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», —а Лѣтопись Новгородская, что наши «погани жряху идоломъ въ колодязѣхъ»;

---

[1] *Рус. Правда* въ Рус. Достоп. II. 17. *Пѣсня о судѣ Любуши* въ Denkmäler der Böh. Spr. 41, 63. *Козьма Праж*. I. 110-111. *R'ad zemė Česke*. § 68. въ Archiwė Čes. *Палацкаго* II. 113. *Prawo Zemė Česke* § 150. 155. у *Кухарскаго* въ Давн. пам. Слов. законод. Варш. 1836. 257. *Законникъ Стефана Душана*. §. 78. у *Кухарскаго*. 124, 221. и пр.

[2] *Прокопій* III. 14

[3] *Переводъ Григорія Наз*. ib. 88.

[4] Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «. . . Сиди дивче доли, те си винце плjете, jедан винац сплjела, у морjе годила.» . . .

[5] *Машлатка* собственно значитъ: остовъ, скелетъ, — старуха костлявая, — яга-баба. Срав. Малор. *маслаки* — кости животныхъ.

[6] *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

въ Уставѣ Владиміра о судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жруть бесомъ и болотомъ и колодяземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» и пр.[1]. Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности[2]. Нѣкоторые изъ раскольниковъ и донынѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней видѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги какъ жертву. Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ[3]. Изъ пѣсень и обычаевъ Русскихъ — говоритъ Снегиревъ — видно, что у воды совершались гаданья, какъ на примѣръ въ Семикъ. Въ одной старой пѣснѣ, которую поютъ въ Подольской губерніи подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та отвѣчаетъ имъ какъ оракулъ[4]. Въ Малороссіи, въ день Ивановъ рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на кануни, и съ крикомъ, бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иные спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести, домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней[5]. Съ этимъ

[1] *Густин. Лѣт.* 234, 237. Лѣт. Новг. 1781. 1. Уставъ Владиміра о судахъ въ доп. къ А. N. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москвитянинъ на 1844. I 243. *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

[2] *Древ. Рус. Стихотворенія.* М. 1818 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу пустилъ: «а спасибо тебѣ, Волга матушка рѣка.» — «Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускивалъ, — по меня Садка смерть пришла.

[3] *Снегиревъ,* Рус. праздники. М. 1839. I. 16.

[4] *Снегиревъ,* ib. I, 136-137. III, 113.

[5] *Пассекъ,* Очерки Россіи. III. М. 1840. 109.

обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромы». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать[1]. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій: одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошъ, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ; изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы [2]. Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ расказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее, и почитаемомъ болѣе церквей. Эббо упоминаетъ о священномъ ручьѣ, обтекавшемъ орѣховое дерево, посвященное какому-то идолу; а Гельмольдъ объ обычаѣ клясться ручьями[3]. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуетъ ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліяніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромы и съ русаліями[4]. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодцемъ[5]. У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, есть обычай бросать весною въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ. — Изо всего

---

[1] *Снегиревъ*, ib. III. 134.

[2] *Длугошъ*. VII, подъ 1278 г. *Снегиревъ*, ib. II. 131.

[3] *Титмаръ*. I, 3. VII, 52. *Эббо*, 98. *Гельмольдъ*, I, 26.

[4] *Козьма Праж.* ib. 10 и 197.

[5] *Касторскій*, ib. 150.

этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, покланяясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и середи лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь огонь вмѣстѣ съ царицей водою свѣтъ созидали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается что огонь породилъ и солнце и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несовсѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъже родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки[1].

---

[1] *Казвини, Бакуви* и *Абульфеда* у *Шармуа*, ib. 340, 358, 361. *Димешки* у *Френа*, ib. 136.

Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а такъ какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію[1], то можно было-бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне, сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь возгнетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ зничемъ или взничемъ (отъ «нетити—нитити—возгнѣтать)[2]. У всѣхъ-же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обиталищу духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое–гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старые памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣзомъ[3]. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновеній надобно причислить и древній языческій обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистительной: «мы сожигаемъ

---

[1] *Френъ,* ib. 137-138.

[2] Многіе Славяне называютъ этотъ огонь «живымъ огнемъ.» Срав. *Ходаковскаго* Путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

[3] См. стр. 22.

мертвыхъ — говорилъ Русскій Ибнъ-Фоцлану — такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»[1]. Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся, зовутъ его сварожіцем... и огневи молятся подъ овин(о)м.»[2]. О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварогова сына, а другаго, — во всякомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачь», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что-же касается до молитвъ подъ овиномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ[3]; обычны онѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина[4]. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь»[5]. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено что-нибудь пропавшее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозрѣваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ[6]. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда зимою дѣвицы собираются на пряжу: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

---

[1] *Ибнъ-Фоцланъ*, ib. 21.

[2] *Слово Христолюбца*, ib. 228.

[3] *Уставъ Владиміра*, ib. I.

[4] *Снегиревъ*, ib. IV, 83. I, 201.

[5] *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

[6] *Антонъ*, Collectanea въ Згорѣльской Библіотекѣ. III. № 15.

лучинку, и чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говоритъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондилой [1]. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у рощи или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti se, sveti ogenj, sweti se!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называясь дѣвою огня—«wogniena deklica». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна [2]. и что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадни дан» т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадняк» [3]. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ-нибудь молились.—Опускаю нѣкоторыя другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того-же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее:—Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились—на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшие годо-

---

1 *Козьма Праж.* 10. *Халкондила у Стриттера,* Memoriæ pop. II. 1062.

2 Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstay; у Люнебургскихъ Славянъ-Parandan-Perendan.

3 *В. С. Караджиђ,* Српски рjечник. Беч. 1818. 16-17.

вые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

II.

Святилища богослуженія горнаго и лѣснаго.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію жертвенниковъ богослуженія горнаго и лѣснаго.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества, и по этому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицаіте собѣ бога ни въ каменіи», говорилъ Кириллъ въ своемъ словѣ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ[1]. О бѣломъ горючемъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей-же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ миѳы въ народѣ Русскомъ[2]. Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія[3], подобно Коню камню (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня[4]; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ опахиванье во время скотскаго падежа[5]. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найдти дыроватый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «куринымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой однако сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ.[6] Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на

---

[1] Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ, 1844. № 1. 243.

[2] *Сахаровъ*, Сказанія Рус. народа. СПБ. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

[3] *Карамзинъ*, И. Г. Р. IV. пр. 387.

[4] Исторія Рос. Іерархіи. IV. М. 1812. 607.

[5] *Снегиревъ*, ib. 1. 15-16.

[6] *Касторскій*, ib. 135.

Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ раскaзываютъ и сказки о духахъ горъ «горыняхъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; ими клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ — Buskahm (бужь-камъ), а подлѣ Деммина есть другой священный камень[1]; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили или и донынѣ живутъ Славяне: таковы — Соботка (Zobtenberg), Кёнигсгаинскія горы, Прашицкія, Бѣлбогъ и Чернобогъ ипр. О томъ, что горы и камни обожаемы были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій[2]. Въ пѣсняхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія[3]. У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторыя изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носитъ Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о нихъ своимъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее, и требуютъ отъ него жертвъ[4]. У Хорватовъ есть обычай оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ временъ языческихъ,

---

[1] *Гельмольдъ*. I. 83. *Бартольдъ*, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. 559.

[2] *Козьма Пражскій*, ib. 197.

[3] *Краледвор. рпсь.* IV, 143-145. Срав. *Стредовскаго*, Sacra Morav. hist. 42.

[4] *В. С. Караджиħ*, ib. 69—70. *Его-же* Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

когда имѣлъ религіозное значеніе. У нихъ есть и пословица: — «узми, вило, ча је теби мило!», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ. — Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и пр.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне, и сохранили отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія — говоритъ онъ — Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большимъ дубомъ[1]. Въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ рощеньи»[2], а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе»[3]. Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ[4]. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста[5]. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богомъми древеса»[6]; однако не только Духовный Регламентъ запре-

---

[1] *Константинъ Порфир.* De Administrando imperii. 9.
[2] *Уставъ Владиміра*, ib. 1.
[3] *Карамзинъ*, И. Г. Р. I. пр. 216.
[4] *Касторскій*, ib. 134.
[5] *Ипатьев. Лѣт.* ib 184, 234, 257.
[6] *Калайдовича*, Памятники XII в. 19.

щалъ «передъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскій расказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кое–какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. [1] Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ–то священномъ ипр.[2] Семицкая пѣсня: «подъ липою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой–то жертвенный обрядъ[3]. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтили деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близь Штетина; а Сефридъ — о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который почитался жилищемъ, какого-то бога[4]. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными, и запечатлѣлъ прежнее уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божницами»[5]. О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Ретрскій, священнымъ и обожаемымъ былъ и Святый боръ (Zuitibor)[6]. Болѣе подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и рощь, какъ святилищь, и о запре-

---

[1] *Снегирева,* ib. I, 39. II, 6.

[2] *Сахарова,* ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

[3] *Снегиревъ,* ib. III, 112.

[4] *Эббо.* 98. *Сефридъ.* 106, 169.

[5] *Голембѣвскій,* Lud polski. Warsr. 1830. 278—279. *Ходаковскаго* Донесеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай богъ. *Фабрицій,* Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund. II. 1843. 68. № 132: «due arbores que Hagebokin dicuntur.»

[6] *Титмаръ.* VI, 26, VII, 18.

щенiи клясться деревьями[1]; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали — расказываетъ онъ — въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были всѣ мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношенiяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы или кто, угрожаемый опасностiю смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщевать приступить къ разрушенiю святилища, и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большiе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревъ въ костеръ, и зажгли»[2]. Арнольдъ Любекскiй упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турiй о рощахъ Живы[3]. До сихъ поръ въ Германiи, гдѣ прежде жили Славяне, нѣкоторыя рощи и боры называются святыми[4]. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ раскaзываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыхъ гаяхъ» являются тѣни стародавнихъ князей, и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованiи лѣснаго богослуженiя у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ раска-

[1] *Гельмольдъ.* I, 52, 83.

[2] *Гельмольдъ.* I, 83.

[3] *Арнольдъ Любск.* Chronicon Slavorum, IV,24, (Сравн. *Лиша*, Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch. VI. Schwerin. 1841. 70). *Марескалкъ Турiй.* Annales Herulorum. I, 4.

[4] На пр. Heiligenhai или Swent. *Schwarz*, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

зываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тэтка, научила народъ обожать дріадъ, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религіозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ[1]. Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честміръ, посланный Княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «pode wsie drua wzlozie obieti bohom». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ-же, Забой, жалуясь на иновѣрцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «posiekachu wsie drua i rozhrusichu wsie bohi»[2]. У Славаковъ есть много воспоминаній о священныхъ рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ расказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать подлѣ селеній заповѣдные «гаи», большею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа» который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чащу, куда-бы не могъ дойдти лучь солнца[3]. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрьями объ обитательницахъ лѣсовъ, вилахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ не льзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ липамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ[4]. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники Славяне

---

[1] *Козьма Праж.* 10, 197.

[2] *Краледвор. рпсь.* IV, 22—23. VI, 50—51.

[3] *Краледвор. рпсь.* VI, 15—19.

[4] *Коларъ,* Zpiewanky. I. 429—431.

хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ Князь ихъ Брѣтиславъ[1]. — Изо всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее:—Служеніе богамъ совершалось—или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви,—или около куста, —или-же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

ГОРОДИЩА.

Не льзя не согласиться, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. —Городища, какъ памятники язычества, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогѣ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковскаго[2]. Городищемъ[3] называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильною дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе, и иногда обведенная кругомъ-ли или съ какой-нибудь стороны

[1] *Андрей,* V. Ott. II, 82. *Козьма Праж.* 112.

[2] *Ходаковскаго,* Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынѣ Отеч. за 1820. N. 33 — 40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N. 17 — 18. *Его-же,* o Słowiańszczyznie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. *Его-же,* Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ. I. M. 1837, кн. 3.

[3] Рус: городище, городиско; Поль. grodzisko: Луж: 'rodzišće; Чеш: hradišťe.

не рвомъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищь одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ которыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на внѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя-же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ угловатыхъ валъ образованъ по четвероугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищь полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покоемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругóмъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва-ли можетъ быть подведено подъ какія-нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую-нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что-нибудь значили, насыпáлись не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ—то съ задней стороны, то почти кругóмъ; иногда-же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего ко входу городища[1]. Городище имѣетъ свой тылъ

[1] Примѣры городищь разныхъ формъ можно найдти у *Ходаковскаго* (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ М. 1824), *Ваг-*

или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лице тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковскій считалъ лице или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устроійства городища[1]; есть однако много городищь, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку не льзя не замѣтить, что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. Притомъ-же, лице и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лице въ отношеніи къ тылу находится съ боку.—Ни одно изъ городищь не сохранилось, быть можетъ, вполнѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что-нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, не льзя не обращать вниманія и на величину городищь, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалья или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже,—можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90–110°. Во внутреннемъ пространствѣ городище имѣетъ поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не

нера (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elbufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland Leipz. 1833), *Прейскера* (Blicke in die vaterländ. Vorzeit Leipz 1841—1843. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

[1] *Ходаковскій,* Истор. Система. II, 27, 93.

болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ впрочемъ Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адріатическаго моря[1]. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва-ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравіи, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва-ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполиновыхъ горъ, городища не большая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы, — и на сѣверъ доходятъ они до широты Берлина и Варшавы, такъ что за 53° не попадаются уже, кажется, нигдѣ. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище[2]. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что не льзя видѣть двухъ-трехъ на одной верстѣ[3]. Факты противурѣчатъ этой догадкѣ: въ Лужицахъ, на примѣръ, чѣмъ глубже идти

---

[1] *Ходаковскій,* Планъ путешествія. Сынъ От. N. 33. 296.

[2] Ravensbug. *Bartsch,* Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110 — 117.

[3] *Ходаковскій,* Истор. Сист. 11 — 12.

на югъ въ горы, и чѣмъ ближе подходить къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищь, и можно пройдти большое пространство, напримѣръ въ Степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокѣ, и на западѣ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоитъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковскій былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытый, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды[1]. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищь, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами, и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какой нибудь стороны; — и таковы степныя не только видныя но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой кручею ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять внѣшній видъ и положеніе городищь; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами

---

[1] *Ходаковскій*, ib. 11.

богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковскій, еще не обращая вниманія на то, что̀ можно въ нихъ найдти, разрывая почву, ихъ покрывающую[1]. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутренняго пространства завалья, находимы были: a) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалья; b) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; c) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завальи — ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., d) каменныя основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусья[2]. Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что слѣдовательно это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ-же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Не льзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищь, какими были и священныя рощи и храмовые города, во время мира совершенно пустынные[3]; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе-бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ-же, нѣкоторыя изъ городищь такъ малы, что ихъ какъ военныя укрѣпленія употреблять было-бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь-же обще извѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ-бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ не льзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священный характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ или приковывая къ себѣ какія-нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищь видно изо всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что

---

[1] *Ходаковскій,* ib. 53 и слѣд.

[2] Смотр. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Вагнера.*

[3] *Гельмальдъ.* I, 83. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

нѣтъ пока возможности дознаться не по однимъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе обряды были въ нихъ совершаемы, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

ХРАМЫ: ИХЪ УСТРОЙСТВО И ПОЛОЖЕНІЕ, ХРАМОВЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ БОГОВЪ, БОГАТСТВА ХРАМОВЪ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно—по своей архитектурѣ, —по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, —по отверстіямъ въ кровлѣ, —по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, —по драгоцѣннымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, —по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоцѣнными камнями прежде, чѣмъ они случились, —по звукамъ, раздающимся сверху зданія, —наконецъ по тому, что̀ бываетъ съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца. . . тамъ-же есть странныя изображенія различныхъ Абиссинянъ и Эфіопянъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла[1] и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполъ, подъ которымъ стоитъ идолъ. . . а противъ него другой изображающій дѣву.

---

[1] По другому списку: «изъ мрамора».

Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними»[1]. Не льзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но не льзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣденій, какъ нѣтъ свѣденій и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было-бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверозападнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. — О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ впрочемъ только краткія напоминанія. О требищахъ поминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ — Митрополитъ Илларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеомъ даннѣемъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей — Кіевскій Патерикъ[2]; и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ: Олавъ — сказано тамъ — ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы[3]. — О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи поминаютъ

[1] *Масуди,* ib. 319—321, 340, 358.

[2] *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вивліоѳ. II. 111. Творенія Св. Отцевъ. М. 1844. II 204. *Карамзина.* И. Г. Р. I. пр. 225. *Трѣбище* — храмъ, жертвенникъ (Іерем. VIII, 31: создаша трѣбище — Vulgat: excelsa. — Павла Посл. I къ Коринѳ. VIII, 10: въ требищи возлежаща—Vulgat: in idolio). *Трѣбити-теребить* — щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; *трѣба* — нужда,-обрядъ. — *Капище* — идолъ, — жертвенникъ. (Исходъ. XXIII, 24: сокрушиши капища — Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище—Vulgat: aram. Срав. *Карамзина,* И. Г. Р. I. пр. 458. *Капище,* по Добровскому (Грам. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ *кап*-ати: не правильнѣе-ли отъ *коп*-оть (срав. Греч. *καπνος*).

[3] *Сага объ Олавѣ Тригвесонѣ.* Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. ср. 96—97.

Длугошь и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живцѣ — хроника Прокоша, о храмахъ земли Колобрежской — хроника Титмара[1]. Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штетинскихъ. «Были въ Штетинѣ — пишетъ Сефридъ — четыре «контины» (continæ, concivæ), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоцѣнныя вещи, оружія и пр. Въ ней-же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ. . . Три другія контины были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы пировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»[2]. Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой[3]. — Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ Славянъ. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей — говоритъ онъ — есть городъ, по имени Ридегостъ, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ

---

[1] *Длугошь*. V, 9. *Прокошь*, 113. *Титмаръ*. VIII. 52.

[2] *Сефридъ*. 105. Онъ объясняетъ слово контина отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Иные производили это слово отъ *Гонтъ*—Schindel (*Карамзинъ*. И. Г Р. I. 68. *Бартольдъ*, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ *конъ-конецъ*, думали, что онѣ стояли на концахъ города, или-же съ *конъ-законъ*, воображали, что онѣ были мѣстами храненія законовъ (Wiener Jahrbücher. XXVII 90. *Раковецкій*, Prawda Ruska. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concina то-же,—что Старослав. кѫтина—Поль: kącina: корень—кѫтъ (кутъ, уголъ); отъ него Старослав кѫща, Срб. кућа, хрт: коча (домъ),— срав. Нѣм. katschen. Такъ и *храмина* отъ *храмъ-хоромъ* (домъ, клѣть).

[3] *Эббо*. 64. 97.

лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри-же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцыри; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичь. . . Въ храмѣ хранятся священныя знамена. . . Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣми ими»[1]. Тотъ-же самый храмъ, но позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигастъ (Радигастъ, Радагастъ). Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволяется только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это въ знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. Отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»[2]. О храмѣ Ретрскомъ поминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту-очень славнымъ[3]. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирципановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руянѣ, замѣчая знаменитость его и богатство[4]. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской Исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Аркона—пишетъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искуственной за-

---

[1] *Титмаръ.* VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet о восточ. входѣ сдѣлана по Брюссельскому списку, слѣдуя мнѣнію *Гизебрехта,* Wend. Geschichten. Berl. 1843. I. 69.

[2] *Адам. Брем.* II. 65. *Гельмольдъ.* I, 2.

[3] *Гельмольдъ.* I, 21.

[4] *Гельмольдъ.* I, 36, 38, 52, 71, 83. II, 12.

щитой—утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнутъ кумиръ. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей; внутренняя—изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовида), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечь и пр.... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно быдо ее вырубливать, чтобы вытащить его изъ храма.... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому-же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ[1]. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Руjевита, на томъ-же островѣ Руянѣ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ полонъ жилищь (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ не упалъ-бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не

---

[1] *Саксо грам.* 822, 823, 826, 837.

имѣя стѣнъ, завѣшена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идолъ Руjевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»[1]. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ[2]. О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близь города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо[3]. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамберскаго. Такъ Сефридъ расказываетъ, что въ Гуцковѣ, у Цирципановъ, былъ храмъ удивительной величины и красоты; такъ Эббо говоритъ о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ и Юлинѣ, а Андрей — о храмахъ Юлинскомъ и Гавельбергскомъ[4]. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава[5] и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры. — Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части — переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю — иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Руjевитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святовидова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія, потому что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если-же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было, конечно, въ концѣ, противуположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святовида: идолъ перерубленный по лядвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышины отъ головы до середины лядвей. И хоть идолъ

---

[1] *Саксо грам.* 841 — 842.

[2] *Саксо грам.* 842 — 843, 763.

[3] *Хронограхъ Саксо* подъ 1148.

[4] *Сефридъ.* 136. *Эббо.* 37. 73. 80. *Андрей.* II, 15. III, 181.

[5] *Пулкава*, Chronicon подъ 1156. *Добнеръ*, Monumenta Bohem. III. 167.

былъ выше человѣческаго росту, положимъ такъ-же высокъ, какъ и идолъ Руjевита, т. е. до пяти аршинъ[1], такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все-же не льзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (propinquo parieti supina incidit), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли[2]. Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а во кругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространнѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзьба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на внѣшней, рѣзьба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, выпуклою (sculpturas de parietibus prominentes). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными миѳами. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на внѣшней сторонѣ стѣнъ храма Ретрскаго; легко впрочемъ можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворные боги (dii manufacti), надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: иные, подобно Руjевитову въ Кореницѣ, состояли изъ однихъ колоннъ, и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ-же какъ внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ внѣшней

---

[1] *Саксо грам.* 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

[2] Подъ словами: aulææ и purpura Саксо г. понималъ одно и то-же. *Саксо грам.* 837. 838.

части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, что-бы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько-нибудь поднималась надъ срединой храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю,—и, легко можетъ быть, оканчивался иногда чѣмъ-нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ сдѣланныхъ для наблюденій восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола[1]. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинѣ храмовъ. Они не могли впрочемъ быть слишкомъ низки: иначе-бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низость была-бы кѣмъ-нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Руjевитовомъ храмѣ: когда его разрушали

---

[1] *Бюшингъ*, Wöchentl. Nachrichten. III. 198 и слѣд.

то стоило только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идолъ сдѣлался виденъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая-же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галлереи для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священные звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, не льзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собо разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гуцковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлинскій, потому что въ немъ хранилось копье на вершинѣ столба удивительной вышины (mirae magnitudinis)[1].—Храмы строились большею частію изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно; потому что всѣ Славяне издавна были мастера къ постройкамъ деревяннымъ, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, расказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи сносили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалинъ, которыя-бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпіи храмовъ. Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ют-

---

[1] *Эббо.* 37. *Андрей.* II, 15. III, 9. *Гизебрехтъ,* ib. II, 281.

робогѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода[1]. Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ[2]. Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близь Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ[3]. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобные остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германцевъ; но ни мѣстности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣденія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія[4]. Не льзя тутъ опустить изъ виду и развалинъ древнихъ зáмковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполинахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. И если строились въ то время каменные зáмки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.[5]. Не смотря однако на все это, не льзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строимы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, не льзя забыть того, что храмъ Ретрскій, по словамъ Титмара,

---

[1] *Діаконъ Ганнеманъ у Вагнера*, Die Tempel etc. 63—64.

[2] *Бюшингъ*, ib. 200.

[3] *Клеммъ*, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. 342.

[4] *Гриммъ*, Deut. Myth. 57—77.

[5] *Эббо*. 63. *Несторъ*. 23.

воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣлываемы были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго; рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святовида, какъ расказываетъ Саксо грамматикъ [1]; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клались въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ-бы слишкомъ непроченъ.—Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Ретрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной къ которой долженъ обращаться человѣкъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, которая, такъ-же какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскрашенными изображеніями. Было-ли что въ дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ впрочемъ предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конями. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоцѣнностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя накопляясь не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пиршество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и для другаго должны были быть при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской континѣ Триглава три меньшія контины: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ

[1] *Эббо*. 105 *Саксо грам*. 823.

дворѣ. Притомъ-же, многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищь близь храма — и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго[1]. — Не льзя опустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній — и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападеній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя временныя жилья, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священномъ, ненарушаемомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту бога, въ немъ поклоняемаго[2].

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе купцы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ[3]. Тѣмъ не менѣе, идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать безъ разнаго рода изображеній божествъ[4]. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ, и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ. — Они были не только изваянныя, но

---

[1] *Саксо грам.* 843.

[2] *Гельмольдъ*. I, 83.

[3] *Несторъ*. 23, 34. *Краледв. рпсь.* VI, 42—45. *Ибнъ-Фоцланъ*. 7—9.

[4] *Титмаръ*. VI, 18. *Гельмольдъ*. I. 83.

и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами[1]. У Яровита были свои знамена, какъ вспоминаетъ Эббо[2]. Имѣлъ ихъ и Святовидъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица[3]. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту, и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское, и все считали себѣ позволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сожигать, — и власть этого небольшаго куска полотна была сильнѣе власти Княжеской»[4]. Изъ того, что изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія и на деревѣ; притомъ-же, какъ были раскрашиваемы изображенія рѣзныя, такъ могли быть раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзьбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамберскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на внѣшней сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на внѣшней и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими

---

[1] *Титмаръ.* VI, 17. VII, 47.

[2] *Эббо.* 71.

[3] Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангица», производя отъ стягъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станица» можно его сличить съ Срб. «застава».

[4] *Саксо грам.* 830—831.

и живыми[1]. О такого-же рода изображеніяхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черные вороны и другія подобныя птицы; тамъ-же были и странныя изображенія Абиссинянъ и Эфіопянъ»[2]. Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ миѳологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ — зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго сердолика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червонаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву»[3]. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фоцланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицемъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы»[4]. Столь-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь...И пришедъ Добрыня Новугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»[5]. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру,

---

[1] *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам*. 822 *Сефридъ*. 105—106.
[2] *Масуди*. 320.
[3] *Масуди*. 320—321.
[4] *Ибнъ-Фоцланъ*. 9.
[5] *Несторъ*. 23, 34.

онъ заставляетъ ихъ сказать, — что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ-же слова говоритъ у Нестора иВарягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо бози, но древо»[1]. Потомъ Несторъ расказываетъ, что Владимiръ, принявши крещенiе и возвратясь въ Кiевъ, «повелѣ кумиры испровреци, овы осѣщи, а другiя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручаи, ВІ мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье приметь отъ человѣкъ... И привлекше вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ рекъ: аще где пристанеть вы, то отрѣваите іего отъ берега, дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся іего . . . И постави (Володимеръ) церковь св. Василья на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунь и прочии»[2]. О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстiе лѣтопись Новгородская:—«Прiиде къ Новгороду Акимъ Архiепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужи волочаху по калу, бьюще жезлiемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не прiяти. И се иде Пидиблянинъ рано на рѣку, хотя горньци везти въ городъ; и сице Перунъ прiплы къ береговi, и отрину его шестомъ»[3]. О разрушенiи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Авраамiемъ упомянуто въ Прологѣ[4].—Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугошь упоминаетъ о святилищѣ идолослуженiя въ Гнѣзнѣ и объ идолѣ Дѣваны, а Бѣльскiй—объ идолослуженiи въ храмѣ Краковскомъ[5]; изъ Титмара знаемъ объ идолослуженiи въ Коло-

---

[1] *Несторъ.* 35—36.

[2] *Несторъ.* 50.

[3] *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вивл II. 110—111.

[4] *Карамзинъ,* И. Г. Р. пр. 291. О словѣ *кумиръ* см. *Добровскаго* Грам. Слав. I. 269—271. *Копитара,* Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75. (Срав. хрт. kuman—пьяница, отъ пьянства покраснѣвшiй). *Истуканъ* отъ *истукаю*—выливаю: *Панва Берында,* Лехiконь. 1627 чд.

[5] *Длугошь.* V, 9. *Бѣльскiй,* Kronika Pol. Warsz. 1829. I. 120.

брегѣ[1], а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго о Штетинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адомъ; а глаза его и губы покрыты были повязкою въ знакъ того, что онъ не имѣлъ понятія о грѣхѣ. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребрены, а повязка золотая и пр.[2] — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя[3]. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій; у Козьмы Пражскадо есть только общій намекъ о существованіи идоловъ[4]. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Видукиндъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди[5]. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ нарѣзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичь». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани[6]. Хронографъ Саксо упоминаетъ объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава о треглавомъ идолѣ Бранниборскомъ; Гербертъ о множествѣ идоловъ Бранниборскихъ; Эббо о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мимоходомъ намекъ, что идолъ этотъ имѣлъ свои собственныя одежды; Андрей объ огром-

---

[1] *Титмаръ*. VII, 52. Польское названіе идола bałwan (слово, впрочемъ, извѣстное почти всѣмъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт: словомъ peulwan Slow. Staroż. 324. Сравн. Лит: balwonas и Мадьяр. balvany.

[2] *Сеффридъ*. 106. Эббо. 64. *Анонимъ Сантакруц*. II. 12.

[3] *Вацерадъ*, ib. 227.

[4] *Козьма Праж*. 10. Чешское названіе идола modla Юнгманъ производитъ отъ modella (Slownik. II. 481). Чешское Слово malik (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола manleika (Ahd: manalihho): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія; впрочемъ Хорут. слово malik (чертъ) идетъ въ сравненіе. *Гриммъ*, Deut. Myth. 93.

[5] *Видукиндъ*. III. 68.

[6] *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем*. IV, 47.

ныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гуцковскаго; Гельмольдъ объ идолахъ Радагаста, Святовида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были полны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ объ идолѣ Ростокскомъ и объ идолахъ Руянскихъ[1]. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святовида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами па стольких-же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налѣво; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который каждогодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе-же всего наблюдателя изумлялъ огромной величины мечь, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзьбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою[2]. Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Руjевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь-же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ дер-

---

[1] *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Геркена,* Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ.* I, 2, 6, 21, 23, 36, 71, 83. II, 12 *Саксо грам.* 763. *Эббо.* 179.

[2] *Саксо грам.* 823—824.

жалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человѣческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ»[1] — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалася лба, а правая подбородка[2]. Книтлинга-сага, давая Короницкимъ идоламъ названія Ринвита, Турупида и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руянскихъ идолахъ Пизамара и Черноглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами[3]. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ; потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ chronica picturata, нельзя не считать безсмысленной поддѣлкой[4]. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими[5]. Они были разной величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные-же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра,

---

[1] *Саксо грам.* 842.

[2] *Саксо грам.* 843.

[3] *Книтлинга-Сага.* 122. стр. 350.

[4] См. о нихъ *А. Г. Маша*, Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten. Berl. 1771. Beiträge. Schwerin. 1774. *Потоцкаго*, Voyage dans la Basse-Saxe. 1794. *Левецова*, Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler. Berl. 1835. *Булгарина*, Россія. СПБ. 1837. Исторія I, 225 и слѣд. Выписки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевича* (Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496, гдѣ помѣщенъ Словарь миѳологіи Слав.) и *Гануша* (Die Wissenschaft des Slaw. Mythus. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Ингемана* Grundtræk til en nordslavisk Gudelære (Нѣм. переводъ въ Neue Provincialblätter IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

[5] *Гельмольдъ.* I, 52..... penates, quibus agri et oppida redundabant. Не позволяю себѣ рѣшить, что тутъ должно понимать подъ пенатами.

золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней; — и сдѣланы были съ искуствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами, или съ нѣсколькими лицами; но, кажется, всѣ имѣли типъ человѣческій. Они рисовались въ одеждѣ, частію рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частію сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали большею частію стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдалища или ложа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ: — «Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начатъ кричати: охъ мнѣ, охъ! и пловя внизъ вверже палицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и боитеся безумніи человѣци, на мосту семъ»[1]. Такъ и Саксо грамматикъ, расказывая о разрушеніи святилища Святовидова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря[2].

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Всѣ эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, всѣ онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрскомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцыри и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный, и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца,

---

[1] *Лѣтописецъ*. М. 1781. 34.

[2] *Саксо грам.* 838. Срав. *Андрея* III, 9.

хранящееся въ Монбижу, въ Берлинѣ, имѣетъ то-же видъ щита[1]. Геннилю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзный обручь; Перунъ имѣлъ свою палицу[2]. Идолъ Руjевита вооруженъ былъ восемью мечами; между принадлежностями Святовида былъ также мечь. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись копья; въ Юлинѣ какъ святость хранилось копье на высотѣ большаго столба[3]. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись въ войнѣ[4].

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли[5], можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военноплѣнныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ. — Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ[6]. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должные дары[7]. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоцѣнную чашу, подаренную Святовиду Арконскому Датскимъ королемъ Свенономъ[8]. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладные ящики, въ которые поклонники бро-

---

[1] *Эббо.* 60. *Ледебуръ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou. Berl. 1838. 23—24.

[2] *Титмаръ.* VII, 50. Лѣтописецъ. М. 1781 34.

[3] *Андрей.* III, 9.

[4] *Саксо грам.* 830.

[5] *Саксо грам.* 825, 834.

[6] *Саксо грам.* 826.

[7] *Титмаръ.* VI, 17.

[8] *Саксо грам.* 825—826.

сали то, чѣмъ желали почтить свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда[1].— Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовида имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу[2]. Саксо грамматикъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ о десятой долѣ, какъ собственности храма[3]. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоцѣнностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него-же узнаёмъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупали плѣнныхъ[4].— Кромѣ этихъ приношеній прозвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святовида дать монету[5]. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовида Арконскаго и Радагаста Ретрскаго[6]. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что-нибудь драгоцѣнное. Купцы, занимавшіеся сельдяной торговлей, должны были также, прежде начатія закупки сельдей, принести законную дань Святовиду[7]. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, покрайней мѣрѣ, у Руянъ въ отношеніи къ храму Святовида[8].— Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накоплялись сокровища, удивлявшія

---

[1] *Эббо.* 56. *Кирхбергъ.* 53 (Jahrbücher für Slaw. Literatur. 1843. 405).

[2] *Саксо грам.* 825.

[3] *Саксо грам.* 825. *Сефридъ.* 105.

[4] *Гельмольдъ.* I, 38.

[5] *Саксо грам.* 825.

[6] *Гельмольдъ.* I, 21.

[7] *Гельмольдъ.* I, 6. II, 12.

[8] *Гельмольдъ.* I, 36.

современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоцѣнные камни и ткани, различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обряды богослуженія.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ: О ЖРЕЦАХЪ И ИХЪ ВАЖНОСТИ ВЪ ЖИЗНИ И БОГОСЛУЖЕНІИ.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благость[1], Славяне разными способами старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Они молились имъ, приносили жертвы, посредствомъ гаданій старались узнать ихъ волю и свое будущее: молитвы, жертвоприношенія и гаданія составляли три главныя части богослуженія языческихъ Славянъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще не льзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому-же, всѣ Славяне сохра-

нили или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянъ. — Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду[1]. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія выбраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участіе другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличаетъ это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣдѣніемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому-же Святовиду, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти[2]. Если жрецы и не составляли касты, то все-же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священическая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу[3]. Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства,

[1] *Титмаръ*. VI, 17

[2] *Саксо грам.* 826.

[3] *Саксо грам.* 824. *Сефридъ*. 128. *Эббо*. 79. и пр. *Марескалкъ Тур.* Annal. Herul. IX. (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844 95—96).

предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мнѣніями, владѣли богатствами[1]. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руянѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь[2]: не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человѣкомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его[3]. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ[4]. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена, и всѣ богатства храмовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Титмаръ и Саксо грамматикъ[5]. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ молельщикамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникѣ Святовида: при концѣ богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградой за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ[6]. Что такія увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего настаивали народъ оставаться при вѣрѣ предковъ[7]. Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святовиду въ Арконѣ[8];

---

[1] *Эббо.* 65, 76. *Сефридъ.* 128, 158. *Гельмольдъ.* I, 83. II, 12.

[2] *Гельмольдъ.* II, 12.

[3] *Саксо грам.* 826.

[4] *Саксо грам.* 826. *Сефридъ.* 109.

[5] *Титмаръ.* VI, 17. *Саксо грам.* 825.

[6] *Саксо грам.* 825.

[7] *Эббо.* 65. *Сефридъ.* 128.

[8] *Саксо грам.* 824.

такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умилостивлять гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова—безъ сомнѣнія — молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, расказываетъ, что жрецъ, наполня рогъ свѣжимъ виномъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастія себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣдъ[1]. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву закалалъ жрецъ, и по закланіи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій[2] Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его званіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ[3]. Другое званіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «колдунъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многаго другаго, служитъ и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдовавцъ»–жрецъ, а «калдовница» или «калдовише» — жертвенникъ[4]. Жрецы были и гада-

---

[1] *Титмаръ.* VI, 17. *Саксо грам* 824.

[2] *Титмаръ.* IV, 17—18. *Гельмольдъ.* I, 52. II, 12.

[3] *Жрьць* отъ *жрьти*. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва. стр. 84.

[4] *Гутсманъ*, Deutsch-Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянскій корень есть: клъд=колд=калд=клуд=куд (какъ тлък=толк=талк=тук и пр.). *Клудити*=*клидити* въ Чеш. значитъ очищать, собирать жатву, - успокоивать, - отнимать, уничтожать (mor mnoho lidi klidi). *Кудити* въ Срб. значитъ — произносить бранныя слова, заговаривать, - презирать, -удалять). Тутъ смѣшаны два корня — куд=клъд и куд=кужд (кут). Отъ втораго

телями, истолкователями прорицаній: Несторъ расказываетъ о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожеѣ, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогому; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецѣ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеяхъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ — о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій, - объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, что бы одушевить себя силою пророческой, ипр.; Саксо грамматикъ—о томъ, что жрецъ гадалъ объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Святовидовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій — о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, - еще объ одной вѣщуньѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, - о томъ, что князь Брятиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадателей, жребіеметателей; пѣсня Краледворской рукописи «о пораженіи Татаръ» поминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздочетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ—о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадателяхъ, вѣщцахъ, волхвецахъ и волхвицахъ», ипр.[1] Изо всего

корня въ Срб. происходяхъ слова: *куђеник* (ругатель) *куђење* (клевета); въ Хрт: *кудити* (бранить), *кујати* (дуть, дышать, - шептать?); въ Чеш: *кудити* (бранить), *кудолъ* (густой дымъ; срав: *чуд*-запахъ), *кузло* (чара), *кузлити* (чаровать), *кузелникъ* (кудесникъ), *паскуда* (нечистота), *паскудити се* (ругаться, ссориться), *паскудник* (rheuma); въ Поль: *паскуда* и пр., въ Рус: *кудо-кудеса* (срав: чудо, щудо), *кудесникъ, кудеяръ,-скудный, паскудить, прокудить* и пр. —*В. С. Караджиђ,* Срп. Риjечник. 349. *J. Стулли,* Rjecsosloxje. Dubrawnik. 1806. I. 364. *Ярникъ,* Etymologik. 152. *Мурко,* Slov. Ném. Besednik. Gradez. 1833. I. 153. *Юнгманъ,* Slownik. I, 321 II, 40, 216. III, 37. *Линде* Słownik. II. 641.

[1] *Лѣтописецъ.* M. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у *Вишневскаго,* Hist. Liter. Pol. I. 274 — 275. *Сефридъ.* 109. *Титмаръ.* VI, 17. *Гельмольдъ.* I, 52. II, 12. *Саксо грам* 824, 827. *Козьма Праж.* 11, 20, 27, 197. *Краледвор. рпсь.* III, 47 — 60. *Вацерадъ.* 212, 222, 223, 229 Значеніе слова *вѣщецъ* понятно. О словѣ *Кудесникъ-Kouzedlnik,* см. выше. Что-же касается до слова *волхвъ* (влъхвъ=влъхъвъ), то Копитаръ производитъ его отъ «влъснѫти»

этого видно, какъ разнообразна была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою сѣмейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

МОЛИТВЫ СЛАВОСЛОВНЫЯ, ПРОСИТЕЛЬНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ. МОЛИТВЫ-ПѢСНИ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицемъ самаго божества, не льзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя.— Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи во время праздника Коляды упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огней, на которыхъ сидѣли молельцы, окружая старика жреца[1];

(влъснжщеи ıазыци — linguæ balbutientes Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг: нар есть до сихъ поръ *волхвъ=вохвъ* (прорицатель) и *волшина* (брань); въ Хрв: есть *вухвецъ=вуховец* (python) и *вухвица* (pythonissa). См. *І. Бѣлостенца*, Gazophylacium Latino-Jlliric. Zagrab. 1740. I, 1005. II, 588. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерн. есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волшити* (хитрить). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волъхве» (вин. пад. «Волъхи») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ. *Несторъ*, ib. 10-11. Пѣсню о чародѣѣ Волхѣ Всеславьевичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

[1] *Снегиревъ*, Рус. празд. II. 69.

можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаёмъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ храмѣ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли[1]. Служитель храма Святовидова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ[2]. — О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ[3]. То-же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаёмъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показался одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ[4]. Въ Краледворской рукописи въ томъ-же смыслѣ употребляются выраженія: «klanieti se bohom» и «biti v czelo przied bohy», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ[5]. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ, «покланиатиса», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ pokłon стар. pokłona, значитъ то-же что русское «поклоненіе»[6]. Польское выраженіе «czołem bić», Чешское, «čelem biti», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать»[7]. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваже-

---

[1] *Титмаръ*. VI, 17.

[2] *Саксо грам*. 824.

[3] *Ибнъ-Фоцланъ*. 9.

[4] *Эббо*. 78. *Сефридъ*. 129.

[5] *Краледвор. рпсь*. VI, 13, 39, 40.

[6] Въ *Остроміp. Еванг:* поклонници поклоняться отьцоу (л. 31).=Vulgat: adoratores adorabunt patrem. Słownik Polsko-francuz. Berlin. 1844. стр. 1632: Właściwy pokłon samemu Bogu ma być oddawan.

[7] *Линде*, Słownik. I, 375. *Юнгманъ*, Słownik. I, 273.

ніе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка пятаго его лица, лежавшаго на груди: по остроумной догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говоритъ, незабытомъ Славянами и до сихъ поръ[1].

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ — молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «prokni ida kol obieti bohom slauu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase»[2]. Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славенъ есь, гей, славенъ есь, нашь милый Боже, на высокости!» или «благословенъ еси, госпôдь, благословивъ сынôвъ своихъ»[3]! Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни, «за славе божије»[4]. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катанчића и Свеара славословная пѣсня въ честь бога Лада: «Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше клањамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо[5]. — Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грам-

---

[1] *Тиверій*, Historia rit. Slav. Lusat. infer. V. § 3.

[2] *Краледвор. рпсь.* IV. 169—170.

[3] *Сахаровъ*, Сказанія Рус. нар. Кн. III, и *Снегиревъ*, Рус. праздники. IV, 65, 70, 85. *Бѣрецкій*, Колядки. № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

[4] *В. С. Караджић*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

[5] *Свеаръ*, Ogledalo Illirium. Zagreb. 1839. 14. *Катанчић*, Specimen philologiæ et geographiæ Pannoniorum. Zagrab. 1795. 112.

матика[1]. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновей женить,—дай, дай, Боже, тебѣ хозяюшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать» или: «Роди Боже жито, пшеницю, усяку пашницю, усяку пашницю, у полû ядро, а въ домû добро»[2]. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй-же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра[3]. Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryła psenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze»[4]! Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «daj Bože štjastja, daj Bože dolju» или: nek was pan Buoh obohati»[5]. У Хорутанъ поется: «Bog daj wedro!» или «Bog potoči swoje kolo na naše stodole in na naše pole[6].» Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сjaj, сjaj, Боже, и божиђу, нашему господару»[7]. Такія-же пѣсни-молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсенъ, гдѣ поется:» Bog daj, Bog daj dobar wečer, dobro leto! mi smo nocaj k wam pr'tekli, dobar weček smo pr'nesli, dab wam rodilo žitno pole, winske gore»[8]! О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно даютъ и

---

[1] *Козьма Праж.* I, 10. *Прокопь.* 113. *Титмаръ.* VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рпсь.* IV, 146.

[2] *Сахаровъ.* ib. 11 и слѣд. *Снегиревъ*, ib. II, 65, 70, 85. *Паули*, Piesni ludu Rus. I, 10.

[3] *Бѣрецкій*, Колядки. № 1.

[4] *Паули*, Piesni ludu Pol. 9—10.

[5] *Коларъ*, Zpiewanky. I, 409.

[6] *Корытко*, Pesme Krainskiga naroda. I, 19.

[7] *В. С. Караджиђ*, Срп. Рjечник. 40.

[8] *Корытко*, ib. I, 91.

ядять»[1]. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, равно и гаданья.—Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣянія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельствъ современниковъ и преданій объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи, при совершеніи благодарственной жертвы за побѣду, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ славословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ славословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными[2].

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «hlasati milich slow» и просто «hlasati» значить молиться[3]; вотъ почему тамъ-же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali hlasem w lese hlucznim, z mocna hrrdla uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie drua sira lesa»[4]. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошь[5]. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаетъ крестьяномъ игоръ бесовских играти, иже ест плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовськыя и жертвы идольския»[6]. О пѣсняхъ-молитвахъ сопрождавшихъ обрядъ га-

---

[1] *Востокова*, Опис. рпсей Румян. Муз. 228.

[2] Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность»—не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «дѧкъ» (дякъ, дíка, dzięk) означаетъ «славу» въ нарѣчіямъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

[3] *Краледвор. рпсь.* VI, 47, 237.

[4] *Краледвор. рпсь.* IV, 132—134.

[5] *Эббо.—Длугошь,* V, 9.

[6] *Востокова,* ib. 229.

данія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христіянъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»[1]. Въ доказательство-же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служитъ упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ[2]. Очень не мудрено, что эти храмовыя пѣсни–молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужебныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоцѣнностями, хранившимися въ храмахъ были и музыкальные рога, какъ свидѣтельствуютъ жизнеописанія св. Оттона[3]. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «pieuce dobra miluiu bozi»[4], и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе[5].

III.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ: — ВОЗНОШЕНІЯ КУРЕНІЙ И БЛАГОУХАНІЙ, ЯСТВЪ, ОРУЖІЯ, — СОБСТВЕННО ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ: ЖЕРТВЫ ЗАКЛАНІЯ, — ЖЕРТВЫ СОЖЖЕНІЯ, — ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ЖЕРТВУ ЛЮДЕЙ.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними не льзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи онъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, бла-

---

[1] *Краледв. рпсь.* III. 58.

[2] *Масуди.* 320.

[3] *Сефридъ.* 105.

[4] *Краледвор. рпсь.* VI. 57.

[5] Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *баевъ = баліевъ* и *гусляровъ* (incantatores).

гому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній не льзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебныхъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обозрѣніи поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовонія, яства и оружія.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовонныя куренія какъ жертвы[1]. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно нѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству, и совершали его двумя способами, — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса — въ половинѣ года[2]. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію Лѣтописцевъ, пламя

---

[1] *Гриммъ,* Deut. Myth. I. 50.

[2] Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные — болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возжигаются огни весною

возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху»[1]. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣтельствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и закопченные сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтарю. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Руянѣ) считается священнымъ, въ чемъ не льзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній не льзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ Фоцланъ, если только подъ названіемъ «ri'han» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ[2].

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса[3]. Константинъ Порфирородный, расказывая о походахъ Руссовъ, пишетъ, что они пріѣзжали къ острову св. Георгія, и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами, и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ[4]. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я пріѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей....И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ

и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

[1] *Густинская* лѣтопись. 207.

[2] *Ибнъ-Фоцланъ*. 15, 107.

[3] *Масуди*. 320.

[4] *Константинъ Порфир*. 9.

тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было-бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который-бы купилъ у меня все что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ худо, и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господа!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи, и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо, и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ, и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ»[1]. О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидиблянинъ, отринувши шестомъ плывшаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перушице, досити еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче»[2]. Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ им требы и короваи имъ ломят . . . моленое то брашно дают и ядят . . . ставят лише кумиром трапезы котѣйнья и законьнаго обѣда иже нарѣцается беззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»[3]. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбоу створи на студенци, дьжда имы отъ нiего»[4]. Это напоминаетъ о дѣтской

---

[1] *Ибнъ-Фоцланъ.* 7-9.

[2] *Карамзинъ* И. Г. Р. I. пр. 463.

[3] *Востокова* Опис р. Рум. М. 229.

[4] *Переводъ Григорія Наз.* Библіогр. Листы. 88.

игрѣ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лій, лій, дожчику! наварю тоби борщику!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ[1]. Что возношенія яствами были въ обычаѣ и у язычниковъ Чеховъ, въ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohom — сказано тамъ — давались «w sumrky», и послѣ битвы надобно было «dat pokrm bohowom»[2]. У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разныя яства, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ, и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно[3]. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ празднества Святовида, расказываетъ, что «жрецъ выпивалъ вино изъ рога, который держалъ идолъ, къ ногамъ его въ возліяніе ему, и наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому-же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ спрашивалъ у Руянъ, видятъ-ли они его. Когда они говорили что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы»[4]. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 Декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ сѣмейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашь батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хиба-жь вы мене не бачите!», — и на

---

[1] *Древ. Рус. Стихотворенія.* 226, 339.

[2] *Краледвор. рпсь.* IV, 41, 42, 234.

[3] *Андрей.* III, 10.

[4] *Саксо грам.* 824-825.

отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «дай-же боже, що-бъ и на той рíкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ[1]. — Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, не льзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Не льзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько-бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцланъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсня Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потреблять яства и питія освященныя.

Тотъ-же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pohrsiebat mrch i dat pokrm bohouom, i tamo bohom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim oruzie pobitih wrahow»[2]. О такомъ-же возношеніи вражескаго

---

[1] *К. Сементовскаго*, Замѣчанія 36.

[2] *Краледвор. рпсь.* VI. 250—255.

оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ[1]. Очень не мудрено, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не измѣняло характера обряда: освященныя оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовида и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ не льзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, покланяясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая что этою жертвою спасали себѣ жизнь[2]. Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще[3]. Почти въ такихъ-же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзина: «Овъ несжщимъ богомъ жьреть. . . овъ рѣкж богынiж нарицаеть и звѣрь живжщь въ ніеи іако бога нарицаѧ трѣбж творить. Овъ дьно жьреть, а другыи дивии. . . Овъ моущьнъ скотъ творя оубиваеть»[4]. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закаланія жертвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закаланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стадъ на пастьбище весною, селяне, празднуя для пастуховъ пиръ, приготовляютъ къ нему пирогъ въ видѣ овна, для того чтобы онъ, какъ жертва Богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берегся у пастуховъ какъ лѣкарство для овецъ[5]. Ясно о жертвахъ закланія

---

[1] *Сефридъ.* 105.

[2] *Прокопій.* III, 14.

[3] *Масуди.* 321.

[4] *Переводъ Григор. Наз.* ib. 88—89.

[5] Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шаришской столицѣ, въ Венгріи.

у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ»[1]. Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Илларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освѣтившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жрьтвенныя крове вкушающе погибаемъ»[2]. Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаѣ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія[3]. Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Пирфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно-ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христолюбца: «и куры им рѣжут», и у Льва Діакона — о приношеніи въ жертву пѣтуховъ при обрядѣ погребенія[4]. Ибнъ-Фоцланъ расказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закалали своимъ богамъ быковъ и овецъ, и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идолами[5]. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ имѣли обычай—говоритъ Преторій — для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшень и хлѣвовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучитъ домовой, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домоваго надъ лошадью[6]. Въ другомъ мѣстѣ, расказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-

---

[1] *Несторъ.* 34. *Трѣба = потрѣба* (слово, извѣстное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если впрочемъ взять въ расчетъ Поль. trzebić и *Луж.* trjebić = wutrjebać (кастрировать), то *трѣба* должна означать только жертву закланія. У Люнебург. Славянъ словомъ treba (trewa = triwe) назывались Рожественскіе святки. *Геннингъ,* подъ слов: Weihnacht.

[2] *Илларіонъ* въ Прибав. къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.

[3] *Карамзинъ.* И. Г. Р. I. пр. 236

[4] *Константинъ Порфир.* 9. *Востоковъ.* ib. 228. *Левъ Діаконъ.* IX. 6.

[5] *Ибнъ-Фоцланъ.* 9.

[6] *Преторій,* Weltbeschreibung. II, 162—163.

Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку, и разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись по́томъ, разрубили ихъ мечами, и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ; наконецъ взяли пѣтуха и курицу, зарѣзали и бросили туда-же»[1]. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою— лѣса стоятъ дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, огни горятъ великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни колёдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»[2]. По свидѣтельству Длугоша были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносимы были овцы, и быки, во время празднествъ, на которыя собирался народъ[3]. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ[4]. Гельмольдъ разсказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы понять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесши по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»[5].

---

[1] *Ибнъ-Фоцланъ.* 11—29.

[2] *Снегиревъ* ib. II. 69.

[3] *Длугошъ.* V, 9.

[4] *Титмаръ.* VI, 17.

[5] *Гельмольдъ,* I,52, Сравн. *Анонима* Chron. Slav XVIII. *Lindenbrag.* Scriptores 211.

Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго празднества Святовидова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Руяны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда[1]. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святовиду упоминаетъ и Гельмольдъ[2]. У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесенія жертвъ закланія; впрочемъ свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва-ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть: «Чехи—пишетъ онъ—преданные глупымъ суевѣріямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдуньѣ, и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья обьятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»[3]. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва-ли это не описка.—Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда-же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Что̀ должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а

---

[1] *Саксо грам.* 824.
[2] *Гельмольдъ.* II. 12.
[3] *Козьма Пражс.* I, 97.

остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ затѣмъ пиршествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животного можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалалось а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войдти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ, изъ чего нибудь сдѣланнымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнять приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приноситься могли и злому богу, человѣку враждебному, или-же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Въ всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь бо̀льшимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были очень обычны у Славянъ сѣверзападныхъ и восточныхъ это доказывается остатками находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пепла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честміръ, отправляясь на войну «pode wsie drua wzlozie obicti bohom». Воймиръ, одержавши побѣду, «chtiese obiet wzdati bohom w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce»; но отложилъ по совѣту Честмира, и возопилъ къ богамъ: «Ne ziarste sie, bozi,

suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Честмиръ совѣтовалъ ему тогда: «Dluzna obiet bohom, uece Cestmir; a ninie nam na wrahi pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogom zmilena, na ieie wrh obietui bohom, bohom suim spasam, za wicestuie w zadech, za uicestuie w prsiedie. Neze sie poznaie, ze slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze slunce postupi vterim krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne, doidu voi tamo, kdie obiet tuoie pouieie w slupech dimu: pokorsi sie wsie voiska, tudi iduce». И Воймиръ перелетѣлъ черезъ лѣса въ дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohom suim spasam za uicestuie wzadech, za uicestuie wprsiedie, im obietoua krauicu buinu». Любопытно тутъ описаніе самаго обряда сожженія жертвы: «Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu. Uoi ozuucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida kol obieti, bohom slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase, i kehdi dochazese posleda uoiew, wskoci Voimir na suoi ruci komon»[1]. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, онѣ были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князья не имѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо происходящія отъ «жрѣти»—сожигать[2]. Жертвы сожженія сопрож-

---

[1] *Краледвор. рпсь.* IV, 22,123—124,135—136,143—152,155—157,164—170. Въ Чеш. жертва называется obět' (*Вацерадъ.* 219. *Юнгманъ.* II. 761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ по обѣщанію упоминаютъ многіе современники.

[2] Онѣ употребительны у многихъ Славянъ: *жертва* (жрьтва) почти у всѣхъ югозападныхъ (извѣстно было и *Вацераду.* 231); *жаризна* — у Поляковъ (żarzyzna) и Словаковъ. Сравн. *жаровище* по *Вацераду* — pira, rogum. 230). *Жрьти* одного корня съ *горьти*, по обычному смягченію *г* въ *ж* (гонить-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), galbus (Лат.), gelb (Нѣм.) — желтый; glans, glandis (Лат.) - желудь; galle (Нѣм) - желчь; ganne (Лит.) - жена и пр.

дали иногда погребальный обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженіе коней вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что раcказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва-ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и не льзя понять значеніе и цѣль обряда[1].

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаху сыны своя и дьщери — говоритъ Несторъ — и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закалали и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не назвалъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицю, на кого-же падетъ, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варегъ единъ — держаше вѣру хрестьяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии... Рѣша пришедше послании къ нему, яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они-же шедше повѣдаша людемъ; они-же вземше оружье, поидоша нань, и розъяша дворъ около его; онъ-же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... И посѣкоша сѣни подъ нима, и такъ побиша я»[2]. Митрополитъ Илларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не

---

[1] *Ибнъ-Фоцланъ.* 15,17.

[2] *Несторъ*, 35.

заколаемъ бѣсомъ другъ друга»[1]. Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились — по его словамъ — люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ[2]. Объ обычаѣ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ[3]. То-же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святовиду приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ[4]. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы расказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и пресвитеромъ Эппономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками, потомъ возимъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены — священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ раззоренія Мельдорпа[5]. — Изо всего этого видимъ, что въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ, — что впрочемъ жребій большею частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношь и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединяться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима

---

[1] *Илларіонъ*, ib. 235.

[2] *Длугошъ*. V, 9.

[3] *Титмаръ*, VI, 17.

[4] *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Анонима* Chr. slav. ib. 211.

[5] *Гельмольдъ*. I, 22. II, 12. *Адам. Брем.* IV, 12, 167. Срав. *Гельмольдъ*, I, 23. *Петерсенъ*, De Dansker toge til Venden. II. 3. въ Annaler for Nordisk oldkyndighed. Kiöbenhavn. 1838. 11.

была иногда только голова человѣка[1]. Замѣтимъ еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ, и украшали религіозныя торжества послѣ войны или битвы. На это не льзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другаго человѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другаго обычая долженъ быть одинъ и тотъ-же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго, — столько-же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилостивить очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія разсказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили»[2]. Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя; то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ — то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подалъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступиться. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ человѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна

---

[1] *Бернгарди*, Bausteine zur slaw. Mith. II. Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

[2] *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

мимо нихъ. На лодку ставили мары, для того чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и питіями. За тѣмъ слѣдовало принесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли — задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался, — и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ что было въ ладьѣ, сгарала»[1]. И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы[2]. Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая-же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминокъ по душѣ покойнаго, веселыя пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безправственный. Не льзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безнравственнаго обычая, который-бы не оправдывался въ немъ причиной, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

---

[1] *Ибнъ-Фоцланъ.* 11—21.

[2] *Маврикій.* XI, 5. *Титмаръ.* VIII, 2 *Масуди.* 317 и пр.

IV.

ГАДАНІЯ — ЖРЕБІЕМЪ И ПРОРИЦАНІЯМИ ЖРЕЦОВЪ. ЗНАЧЕНІЕ ЗАДАНІЙ.

Гаданія составляли столь-же необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Множество преданій дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданіяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданій принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться безпрерывно, даже и послѣ паденія язычества, хоть и совершенно въ его духѣ; религія-же освящала очень немногіе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ. — Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество — во-первыхъ, о томъ, быть-ли чему или не быть, дѣлать-ли ему что или не дѣлать, — во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень несложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненіи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребію[1]. Распро-

---

[1] Слово *Жрѣбии* (жеребей, ждриjеби, ждриб и т. д.) собственно значитъ осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удѣла, и т. п. Сравн. *Шимкевича*. Корнесловъ. I. 82. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

страненное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребію раскaзываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Ретрскомъ. Жрецы сидѣли, и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ[1]. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руяне гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя безъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастіе, если же нечетъ, то бѣду[2]. Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинянъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: i na dli trest crnu polozichu, i iu na duie polie rozcepichu, pruei pole Kublai imie wzdiechu, vterei polie krali imie wzdiechu, vetchimi slovesi nad sim wzpiechu. Pociehu trsti spolu voieuati, i trest kublaieua swicezise»[3]. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохранясь вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла[4]. Къ этого-же роду гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чащѣ или рогу: объ

---

[1] *Титмаръ.* VI, 17.

[2] *Саксо грам.* 827 — 828.

[3] *Краледвор. рпсь.* III. 54 - 60.

[4] *Сахарова*, ib. II, 14.

отгадываньи урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогѣ Святовида расказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ[1]. Подобнаго роду были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чашѣ и пр: они сохранились у Русскихъ, и были въ старое время у Поляковъ[2]. Были такого роду религіозныя гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Прокопій,-и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питаютъ кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ[3].—Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ:—«Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣйною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ-бы вдохновеннаго коня, о томъ-же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если и въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то-же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе»[4]. Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаёмъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою-нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками копья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одинъ отъ другаго растояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ копья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морской

---

[1] *Саксо грам.* 824. *Сефридъ.* 105.

[2] *Сахаровъ.* II, 65, 68, 69. *Вишневскій*, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

[3] *Прокопій.* III, 14. *Сахаровъ.* II, 10, 13.

[4] *Титмаръ.* VI, 17. Выписку изъ Chronica August. см. у *Гримма*, Deut. Myth. II. 628.

походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача»[1]. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замышляли сухопутный походъ противъ непріятелей или какой наѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на земь девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежащія копья три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начинаемъ; если-же конь трогалъ копья ногою, то походъ былъ отлагаемъ»[2]. Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычай и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ-же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверозападныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть напротивъ слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морошкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычаѣ гаданья конемъ во время святочныхъ гананій[3]. Русскія дѣвушки, гадая о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь; — и если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или за жердь ногами, то мужь будетъ сердитый, а житье несчастное; если-же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирный, и житье счастливое. Садятся также на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня[4]. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно,

---

[1] *Саксо грам.* 826—827.

[2] *Сефридъ.* 107.

[3] *Морошкинъ* въ переводѣ *Рейца*, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. *Сахаровъ.* II, 67 *Снегиревъ*, Рус. празд. II, 43 и 49. Сравн. слова *жрьбии* и *жрьбьцъ* (сл. Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843 390).

[4] «О книгахъ истин. и лож.» у *Калайдовича*, Іоаннъ Экз. Болг. 211.

и многія другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все-же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому-нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они впрочемъ были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ принося жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу[1]: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая-нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если только и это знаніе не было общимъ для всего народа, —или участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь напротивъ, нуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно, или не поняты совсѣмъ, слѣдовательно не по жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славенъ настройками, сдѣланными въ его куполѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначавшими будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились[2]. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядятъ»,—и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ расказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу:—«Призва Ольгъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша: смерть

---

[1] *Гельмольдъ*, I, 52. Сравн. у *Иларіона* «жертвенныя крове вкушающе погибаемъ». ib. 236.

[2] *Масуди*. 320.

твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»[1] Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ[2]. Не льзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ какъ знаемъ изъ хроники Прокоша, который упоминая о немъ, прибавляетъ, что по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива[3]. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ обрядѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того-же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на пріемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свѣденій собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, не льзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ онѣ употреблялись, что̀ ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія.

---

[1] *Новгор. Лѣт.* М. 1781. 9.

[2] *Козьма Праж.* 11, 20, 27.

[3] *Прокошъ.* 113.

Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрскаго и Святовида Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считали зависящими и народъ и князя[1]. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ сѣмьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ,— и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго[2]. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу»[3]. Выборъ людей во что-нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ[4]. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій[5]. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутные и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда[6].

---

[1] *Гельмольдъ.* I, 21. II, 12.

[2] *Сахаровъ.* II, 9—10.

[3] Рус. Достопам. III. 186.

[4] *Снегиревъ*, Рус. пословицы. III. 217.

[5] *Мацѣевскій*, Hist. prawodawstwa Słow. II. 179—187 *Снегиревъ*, ib. III. 213—216.

[6] *Гельмольдъ.* I, 52. II, 12. *Титмаръ.* VI, 17. *Константинъ Порфир* 9. *Несторъ.* 35.

V.

ОБЩІЙ ХОДЪ БОГОСЛУЖЕБНАГО ОБРЯДА. ПИРШЕСТВА И ИГРИЩА.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войдти въ предъидущее изслѣдованіе,—между прочимъ на пиры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ[1]. Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое-нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умилостивлять боговъ, на пр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертваго и т. д. Впрочемъ хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религіозныя празднества,—и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

Такія празднества должны были быть совершаемы въ опредѣленное время, повторяясь въ тѣ-же дни, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Такъ въ опредѣленное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ Маѣ, праздникъ Святовида Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр.[2]. Очень немудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и

---

[1] *Гельмольдъ.* I, 83. *Адамъ Брем.* IV, 47.

[2] *Гизебрехтъ*, ib. I. 85.

что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ празднества жрецъ—говоритъ Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія[1]. Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самаго обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гаданьемъ не рѣдко опредѣляли, чтὸ приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь-же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ опредѣленное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ-бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошь[2]. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, чтὸ должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались внѣ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Титмару, Гельмольду и Саксону грамматику. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; немогу однако не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святовиду совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ хра-

---

[1] *Гельмольдъ.* I, 52.

[2] *Несторъ.* 34, 39. *Гельмольдъ.* I, 52. *Длугошь.* V, 9.

момъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день передъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что напитка въ немъ убыло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ возліяніе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастія себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ, и наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастію народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»[1]. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святовиду Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобные, съ

---

[1] *Саксо грам* 824—825.

тakимъ-же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія[1].

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго[2]. Они совершались у самаго святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмины, въ которыхъ пировали люди болѣе знатные. Такое назначеніе имѣли три контины, находившіяся при Штетинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи ипр[3]. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготовляемы были и собираемы другія яства. Обычай собиранія яствъ въ общенародные языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, щедрованьи, и т. п.[4] Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго что пиръ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому-то на нихъ поминали боговъ, пили заздравные кубки, о славѣ божіей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастіи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа[5]. Такъ-же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако піют о долѣхъ своих[6]». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравицы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе.[7] — Къ празднованію пировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ

---

[1] *Гельмольдъ.* I, 52, 83.

[2] *Гельмольдъ.* I, 52 *Сефридъ.* 105.

[3] *Сефридъ.* 105.

[4] Когда собираютъ яства, хотя отъ дома къ дому.

[5] *Гельмольдъ.* I, 52.

[6] *Востокова* Опис. р. Рум. М. 228.

[7] *В. С. Караджиђ*, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія *Бернгарди*, Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843. 337.

это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминаютъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе[1].

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ, переряживаньи, разныхъ представленіяхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ, важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненій показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища[2].» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ — говоритъ тотъ-же Несторъ: дьяволъ льститъ превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гусльми и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви»[3]. Христолюбецъ въ своемъ словѣ увѣщеваетъ, что «не подобаеть крестьяномъ игоръ бесовских играти, иже ест плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовьскыя и жертва идольская»[4]. О тѣхъ-же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ правилахъ: «пакы же увѣдѣхомъ, бѣсовьская еще държаще обычая треклятыхъ Еллинъ въ божественныя праздникы позоры нѣкаки бѣсовскыя творити, съ свистаниемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница и бьющеся дреколіемъ до самыя смерти и възимающе от убиваемых порты»[5]. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бъсовскаго не любити и бочекъ не бити»[6]. Но языческіе обычаи этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи

---

[1] *Востокова*, ib. 229.

[2] *Несторъ*. 6.

[3] *Несторъ*. 73.

[4] *Востоковъ*. ib. 228.

[5] Рус Достопам. I. 114.

[6] *Арцыбышева*, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долинѣ, въ Каринтіи, сохраняется отчасти до сихъ поръ странный обычай бить бочки, какъ принадлежность храмоваго празднества.

къ намѣстнику Псковскому, при описаніи Купальскаго празднества, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»[1]. Объ обычаѣ религіозныхъ игрищь у Славянъ Польскихъ поминаетъ Длугошь: «Въ честь боговъ — говоритъ онъ — введены игры въ опредѣленное время года. На нихъ толпы обоего пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хоть вотъ уже пятсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаѣ[2]». Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религіозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда[3]. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, расказывая, что Оттонъ, въ своемъ путешествіи близь Пирица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившимъ путниковъ. Тамъ-же находимъ вспоминаніе о празднествѣ Юлинскомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества, и т. п.[4]. О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», вспоминаетъ Козьма Пражскій, расказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ[5].

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаѣ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослу-

---

[1] *Карамзинъ.* И. Г. Р. VII. пр. 372.

[2] *Длугошь.* V, 9.

[3] *Гельмольдъ.* I, 52.

[4] *Бертольдъ,* Geschichte d. Rügen und Pommern. I, 566. II, 35.

[5] *Козьма Пражскій.* 21.

жебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъже весело и разнообразно, какъ и всякое другое религіозное празднество. Іорнандъ расказываетъ, что «по смерти Атиллы, рыцари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пиръ, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»[1]. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ[2]. Ѳеофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ напалъ на князя Мусокія въ расплохъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя помины по своемъ братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями[3]. О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своемъ Малѣ, Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ помпновенія усопшихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ, да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ[4]. Коренной смыслъ этого слова былъ другой: «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнище» — мѣсто боя, а «тризникъ» — подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значитъ бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися=тризнитися» — веселиться, играться[5]. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризной называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад-уюсь), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ намогильной,

---

[1] *Іорнандъ,* De Getharum origine et rebus gestis. 49.

[2] *Линде,* Słownik. III. 431—432.

[3] *Ѳеофилактъ у Стриттера,* Mem pop. II, 61.

[4] *Добровскій,* Грам. Слав. I, 158. *Вацерадъ.* 228

[5] *Несторъ* 6, 24, 29: трызна=трызно. *Юнгманъ,* Słownik. IV. 664.

но и въ играхъ[1]. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ[2]. У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «stypa» (сред. Лат. stips): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwią oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym drugiego zabitego do nieba, aby oznajmil, co za ludzie na stypie byli»[3]. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя — какъ говоритъ Козьма Пражскій — совершались на перекресткахъ, какъ-бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣсились[4]. У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.[5] — Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ и общихъ, и совершавшихся по какому-нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то-же вѣрованіе въ благость боговъ, ту-же надежду на ихъ милость — и въ жизни и за гробомъ.

---

[1] *Снегиревъ*, Рус. праздники. III, 47—54.

[2] *Голембѣвскій*, Lud polski. 269.

[3] *Линде*. V. 456.

[4] *Козьма Пражскій*. 197.

[5] *Вальвазоръ*, Die Ehre des H. Krain Laibach. 1689. II. 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечнѣ главныя положенія, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныя и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ-бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противурѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ-же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію однихъ догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь

извѣстны, не льзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными миѳами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи миѳологіи Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться не льзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и — храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ; храмы — исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія, и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Не льзя сомнѣваться, что со временемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни сѣмейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ — славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жерт-

воприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ, молитвы жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ; а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсенъ и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсенъ, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, — или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества; со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ прорицаній, замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые посвящены были въ тайну проницанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ совре-

менныхъ; изъ того-же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми — пляской, пѣснями, борьбой, и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, каждогодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.

2007098069